

Палачи

Автор:

Олег Механик

Палачи

Олег Механик

Вы когда-нибудь слышали о самом тихом городе? Единственном городе, где действует "Закон о тишине"? Не слышали? Не были? Так приезжайте, посмотрите, а главное, послушайте. Но прежде, чем, наслаждаться тишиной, послушайте историю происхождения "Закона..." История прозвучит из уст дедушки, который рассказывает её своей любимой внучке. Он (дедушка), один из немногих участников, произошедших много лет назад, не очень весёлых событий. Но, если выразаться его словами: "...иногда, что-то очень хорошее, берёт своё начало из чего-то очень плохого...". Так себе, конечно, догма, но всё же стоит послушать мудрого старика. Настырная внучка настаивает, чтобы дед поведал ей эту, совсем не детскую историю, но по ходу повествования, она ещё не раз пожалеет о том, что "напросилась".

Олег Механик

Палачи

«... Ты заснешь

Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,

И я не гений? Гений и злодейство

Две вещи несовместные. Неправда:

А Бонаротти? Или это сказка

Тупой, бессмысленной толпы – и не был

Убийцею создатель Ватикана?»

А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

– Тс-с-с...это что ещё такое? Вера, а ну-ка убавь звук! Сколько раз тебе говорить, что для этих целей существуют наушники?

Корявый длинный палец, медленно ходит из стороны в сторону, подобно стрелке хронометра. Восседающий на кресле-качалке старик хмурит густые белые брови, изображая гнев, но его выдаёт загнутый вверх уголок плотно сжатых тонких губ.

– Дедушка, но мы же дома! Здесь никого нет кроме нас с тобой. За эти толстенные стены не проникнет ни один звук. – Плотная девчушка, с торчащими в обе стороны забранными в два пучка чёрными волосами воинственно подбоченилась, широко расставив ноги. Возмущённая тем, что дед прерывает прослушивание её любимой композиции на самом интересном месте, она мечет искры из чёрных зрачков, её пухлые щёки пылают красным. Прослушивание музыки в наушниках не доставляет ей никакого удовольствия. Если песня тебе нравится, хочется делиться ей со всем миром. Хочется, чтобы её слышало как можно больше людей. Тогда создаётся иллюзия, что эту песню исполняешь ты, ведь, устройство из которого она изливается, находится в твоих руках.

– А почему ты считаешь, что дома можно делать то, что запрещено на людях? Дом, семья, это такое же маленькое государство, где нужно жить по законам. И

потом – привычка делать запрещённые вещи дома, рано или поздно даст о себе знать за его пределами.

– В нашем государстве нет такого закона, чтобы не кричать, не шуметь, не слушать музыку и даже не смеяться, чтобы тебя слышали. Этот глупый закон есть только в этом городе. Наверное, поэтому папа с мамой и не захотели здесь жить! – Отвечает девчонка, как будто нарочно возвышая громкость голоса.

«Моя...моя внучка...– внутренне ухмыляется дед – эта будет идти до конца, пока не добьётся желаемого. Эта не смирится. Может это и хорошо, что они живут за тысячу вёрст отсюда и приезжают погостить только на лето».

– Благодаря этому закону, который ты называешь глупым, наш город одно из самых известнейших мест не только этой страны, но даже мира. Благодаря этому закону, сюда ежегодно стекаются миллионы туристов из всех точек мира. Только благодаря этому закону все жители этого города могут жить безбедно, кто за счёт продажи сувениров и сдачи домов в наём, кто за счёт открытия кафе и ресторанов, а кто просто за счёт пособия, которое ежемесячно выделяется каждому жителю. Благодаря этому закону в городе отсутствует преступность, и он по праву называется самой спокойной точкой на земле.

Старик мог бы рассказывать больше о пользе этого закона. О том, что дотации положенные жителям города, позволяют жить безбедно не только им самим, но ещё и содержать своих близких и дальних родственников, что они – его внуки, учатся в престижной частной школе и регулярно выезжают за границу благодаря этим самым дотациям. Он мог бы сейчас сказать внучке то, что постоянно твердит её неблагодарным родителям, которые, посмеиваясь над глупостью покорных жителей городка, фактически живут за их счёт.

Конечно же, он не станет попрекать любимую внучку куском хлеба, только лишь попытается донести до неё историю происхождения этого самого куска.

– Дедушка, и всё-таки я не понимаю, кому может нравиться эта мёртвая тишина? – Не унимается Вера. Выключив музыку, она бросает телефон на диван, и придвигается к деду. Теперь, когда неугомонная девочка набрела на так давно исподволь мучающий её вопрос, она уже не отступится.

– Ты ещё много чего не понимаешь внука, в этом и ответ на твой вопрос. Возможно, громкие звуки нравятся растущим организмам. Возможно, они находят особую прелесть в визге, криках, раздающихся из магнитолы пульсирующих звуках, громком рокоте двигателей мотоциклов и прочем шуме. Но поверь мне, милая деточка, что есть так же немало людей, кого такие звуки не просто раздражают, но даже мешают им жить и работать. Это мыслители, это учёные, это писатели, это шахматисты, это, наконец, музыканты, те люди, уши которых настолько изнежены, что любой грубый звук может безвозвратно разрушить их тонкую конструкцию. Прибежищем таких людей и стал наш город. Если раньше, он не мог похвастаться ни одним, не то, что проживающим в нём, но хотя бы уж, родившемся, дарованием, то теперь их здесь множество. Всех этих людей привлекает здесь одно – тишина. Когда ты станешь чуть постарше, то поймёшь, что лучшие на свете звуки, это пение птиц, шелест листьев, перебор капель дождя по жести крыши, ты поймёшь, как это прекрасно просыпаться от крика петуха.

– Пока что я понимаю только одно: все жители этого городка немного ку-ку. – Вера крутит пальцем у виска, не опасаясь того, что дед может задать ей трёпку за эти слова. Ведь он тоже житель этого городка. Но дед ничего не сделает, он даже не обидится. Ему нравится прямота напор и пытливость внуки. Дед только широко улыбнётся, так, что кожа на впалых высохших щеках соберётся в гармошку. Вообще он редко улыбается, но когда уж делает это, кажется Вере похожим на ощерившегося волка. Здоровые белые не по годам клыки сверкают ножами, так же как у хищника.

– Ку-ку...хе-хе-хе. Ну да, все они «ку-ку». – он повторяет жест внуки. – Только это самое «ку-ку», не только приносит им эстетическое удовольствие, но и делает обеспеченными. Вот ты хочешь стать врачом, твой брат – лётчиком...

– Уже не врачом. Теперь я хочу стать адвокатом. – Недовольно фыркает Вера, словно пристыжая деда, за то, что тот не знает, кем на сегодняшний день хочет стать его любимая внука.

– О-о, даже адвокатом. – Дед одобрительно качает головой...– кстати, у тебя должно неплохо получиться...специальность эта многогранная, глубокая и очень интересная. Опять же для тех немногих у кого к этому по-настоящему лежит душа. Но сейчас я не об этом. Для того, чтобы стать адвокатом, тебе придётся долго учиться, потом защищать диплом, потом практиковаться, так что только через много-много лет ты сможешь заработать первые деньги. А жители этого

города уже с рождения получают сумму равную зарплате среднестатистического адвоката. Я верю, что ты не будешь средней, ты будешь одной из первых, но всё же, согласишься, что некоторые «ку-ку», которые даже младше по возрасту на данный момент тебя обставляют.

– Ну не понимаю я, за что платят такие деньги...– Вера в сердцах топает ногой. В этом возрасте ей кажется, что она уже знает и понимает всё на свете, а тут – ерунда какая-то.

– За редкость, за необычность. – разводит руками дед. – Сейчас ценится всё необычное. Современный город, в котором тише, чем в глухой чащобе леса, явление неординарное, выпадающее из рамок устоявшихся стереотипов. Эта необычность и притягивает зевак со всего света. Если выразаться вашим современным языком – этот город – удачный бизнес-проект.

– Если это бизнес-проект, то его кто-то придумал. Этот человек должен получать много денег. Больше, чем все жители этого города вместе взятые....– вслух размышляет Вера, теребя и кусая пучок жёстких волос.

– В чём-то ты права, внучка. Этот проект состоялся благодаря одному человеку. Только вот имя этого человека никогда и ни кем не будет упомянуто. Денег и славы он не получит, тем более, что и в живых-то его уже нет.

– Почему? – пожимает плечами Вера.

– Потому что это преступник. Хладнокровный и жестокий убийца.

Возникает пауза, во время которой Вера удивлённо хлопает огромными в пол-лица глазами.

– Как? Ты хочешь сказать, что жители этого города стали счастливыми благодаря какому-то убийце? – Вера разводит ладони в стороны, отображая этим жестом одновременно и удивление и возмущение.

– Наверное, можно сказать и так...– Дед наклоняет голову на бок, будто ещё раздумывая так это, или всё-таки не так. – Ты ещё очень маленькая и в твоей голове всё поделено на белое и чёрное. Белое это всё что хорошо, чёрное –

очень плохое. Но в реальной жизни нет идеально белых, или иссиня чёрных цветов. Наверное, она больше напоминает меняющийся окрас хамелеона. Иногда, что-то очень хорошее берёт начало из чего-то плохого и наоборот. Поверь – такое случается и довольно часто.

– Но ведь это неправильно! – один кулачок Веры туго сжимается, другой продолжает теребить косичку. – Преступник не может делать людей счастливыми. Если бы я знала, что всё, что есть хорошего в этом городке, существует благодаря преступлению, я бы никогда в нём не осталась.

– Вот поэтому об этом никто и не знает, а те кто знал – предпочли забыть и не вспоминать. Для всех жителей города существует другая, выдуманная легенда, происхождения закона тишины. Все думают, что...– Дед машет ладонью, – впрочем это неважно. О настоящей причине знают только старожилы этого города. Но мне эта причина известна, как никому другому...

– Почему?

– Потому что я являлся непосредственным участником событий, которые произошли тридцать лет назад и дали толчок всей этой истории с «Законом о тишине».

– Расскажи! – Глаза Веры алчно пылают, она садится на ковёр, рядом с подножием кресла, кладёт руку на прикрытое пледом колено, крепко сжимает. По одной этой цепкой хватке в купе с вождеющими глазами, видно, что девочка привыкла добиваться своего, чего бы ей это не стоило. Даже если дед попытается увильнуть, уйти в сторону от разговора, у него нет шансов.

Но дед, не будет увильвать, пытаться перевести разговор на другую тему, говорить, что всё это не для детских ушей. Напротив, он доволен, что хоть кому-то в этой жизни сможет поведать эту историю, которая уже тридцать лет сидит в его голове, не покидая её ни на одну секунду даже во сне.

Он берёт со столика портсигар, достаёт оттуда папиросу, несколько раз ударяет мундштуком по жестяной крышке, затем вставляет его в рот и зажигает спичку. Огонёк спички чуть подрагивает, выдавая волнение старика. Да, он волнуется. Сейчас, как только он начнёт впервые проговаривать эту историю вслух, его мгновенно перенесёт в то самое время. В том времени он был молод, он был

постоянно возбуждён. Наверное, в тот недолго длящийся период жизни, он был счастлив. Хотя...можно ли это назвать счастьем, он точно не знает. У каждого оно своё. То, что один назовёт счастьем, для другого просто рядовой вызываемый дофамином шторм. И это может означать, что тот второй испытывал в жизни какое-то более возвышенное состояние...состояние полёта. Старик же испытал только его предвкушение, что-то вроде того, как ты стоишь на краю обрыва, а за плечами у тебя крылья от дельтаплана. Под ногами огромная, подёрнутая дымкой облаков, идеально зелёная долина. Сердце выскакивает из груди от предвкушения предстоящего парения над облаками. Ты глубоко вздыхаешь, делаешь шаг и...камнем падаешь в пропасть. Только в момент этого кошмарного падения, ты осознаёшь, что никаких крыльев не было, и ты можешь лететь только вниз.

– Бабушка, конечно, не одобрила бы того, что я с тобой об этом говорю. Честно говоря, она и сама знала только малую часть этой истории. Она, как и все жители этого городка предпочитала видеть только яркий свет, и не замечать тёмную сторону луны, без которой не было бы этого света. Но ты, я вижу, хочешь видеть обе стороны? – Сейчас возвышающийся над девочкой дед в качалке, голова которого укутана дымом, похож на гору, с потухшим жерлом вулкана на вершине.

– Да, я хочу...я хочу знать всё! – Кричит Вера.

– Тш-ш-ш! – дед прикладывает пальцы, в которых зажата дымящаяся папироса к губам. – Не забывай о законе, внучка, а я расскажу о его происхождении.

В то далёкое время наш город ничем не отличался от прочих других. По его центру так же ездили машины, которые периодически сбивались в гремящие, горлающие клаксонами пробки. Люди, не стеснясь, кричали, пели пьяные песни, носили с собой магнитофоны, из которых на разный лад, перекрикивая друг друга, орали певцы, не имеющие голоса и слуха. Гремели неугомонные вечно передвигающие горы земли бульдозеры, лязгали ковшом экскаваторы, гулко гудели, укладывающие асфальт катки. Повсюду из квартир и домов раздавалось непрерывное гудение дрелей, треск перфораторов, беспощадно орали бензиновые плуги и газонокосилки. По ночам город сотрясаясь от рёва мотоциклов, у которых ездки удаляли глушители, чтобы двигатель работал в полную мощь. Всё было как у всех, как это происходит и сейчас в вашем городе.

В то время я работал следователем. Да-да...я был полицейским, и об этом не знает даже ваша мама, которая появилась уже после того, как я уволился из полиции. Я так же как и ты, внучка, мечтал быть адвокатом и даже с отличием закончил юридический вуз. Но тогда мне не доставало практики (так я думал). Я ещё не знал, что чтобы быть хорошим адвокатом, нужно им родиться.

Так же как и доктором;

так же, как и учёным;

так же, как и писателем;

так же, как и музыкантом.

Тогда, чтобы приобрести практику, которой мне, по моему, мнению, не хватало, я и пошёл в полицию. Тогда я ещё не знал, что родился сыщиком, но жизнь быстро расставляет всё по местам.

– Ты родился сыщиком? – удивлённо пучит глаза Вера.

– Говоря так, я подразумеваю то, что тогда обладал всеми необходимыми навыками, присущими этой профессии. У меня было развито логическое мышление, я хорошо умел анализировать различные ситуации и делать соответствующие выводы. Ещё я любил преступления...

– Любил преступления?! – вновь удивляется Вера.

– Если точнее выразиться, я любил всё, что связано с преступлениями. Я обожал читать детективы, смотреть криминальные фильмы и хронику, про различных преступников. Иногда про таких людей говорят, что у них есть криминальный талант. Этот талант присущ в равной степени, как преступникам, так и тем, кто их ловит. Такой талант присущ даже некоторым писателям.

– Писателям?! – Девочка удивлённо пожимает плечами.

– Разве человек пишущий хорошие детективы не обладает психологией преступника? Если бы Агата Кристи, или Конан Дойл не нашли себя в творчестве – в описании преступлений, они могли бы их безукоризненно планировать и совершать. Если бы Чёйз вместо того, чтобы описывать хитроумные ограбления, провернул хотя бы парочку таких, возможно заработал бы больше, чем на писательстве.

Словом, я обожал преступления и, оказавшись в полиции, мечтал стать новым Шерлоком Холмсом. Но вместо романтических хитросплетений, связанных с раскрытием загадочных преступлений, меня ждала серая рутина. Все преступления в нашем городе сводились к краже соседского мотоцикла, кухонному мордобою и пьяной поножовщине. Уже очень скоро я стал чувствовать дикую тоску. Пока ты ещё маленькая и не понимаешь, как коварно и опасно безделье и бездействие. Это сродни тому, как дикого орла запереть в крошечную клетку, где он не может не то, что летать, а даже расправить крылья. Безделье и скука толкают людей на дурные мысли, заставляют их принимать алкоголь, сигареты, а иногда и наркотики. Когда ты ленив и не любишь свою работу это одно дело. Но когда тебе не дают работать, когда ты не можешь расправить крылья, как тот орёл, это настоящая трагедия. Слава Богу, что однажды моя трагедия закончилась. В тот прекрасный день произошло первое убийство.

Дед сделал последнюю затяжку и затушил сигарету в пепельнице. Уголок его рта снова изогнулся, знаменуя, плохо скрываемое удовольствие.

– Дедушка...ну разве можно радоваться тому, что кого-то убили...кому-то стало плохо...– глаза Веры налились влагой. Ей не хочется верить, что её дед настолько циничен.

– Нет...я не радовался чьей то смерти. Это была радость профессионала в предвкушении интересной работы. Наверное, такую же радость испытывает хирург, к которому на стол кладут сложного больного. Он не радуется тому, что человеку плохо, что он находится при смерти. Его вдохновляет то, что в этот момент, в момент операции, он , как никогда сможет использовать свои профессиональные навыки. Решить сложную задачу, доказать своё предназначение другим и в первую очередь себе.

– Доктор радуется тому, что сможет вылечить этого больного, поставить его на ноги. – обиженно бурчит Вера.

– Всё это вторично...– дед качает головой, и его щёки снова сжимаются в гармошку от улыбки. – Чувство долга, забота о пациенте, всё это вторично. Во главе угла стоит доказательство. Доказательство собственной значимости и профессиональный интерес. Так же было и в моём случае. Когда мы с напарником ехали на этот первый вызов, у нас тряслись поджилки в предвкушении долгожданной работы, и мы не могли скрывать торжествующих улыбок. Мы были словно два охотничьих пса, которые наконец-то увидели мечущегося по поляне волка. Хозяин ещё придерживает их за ошейники, распаляя криками и улюлюканьем. Очень скоро он отпустит хватку, и псы ринутся в погоню.

Да...у меня был напарник и единственный друг, которого звали Иван. Он был чем-то похож на меня и вообще мы походили на двух братьев, имели схожие интересы и жизненные установки. Мы закончили один институт, оба были одиноки, и даже имели некоторую робость по отношению к слабому полу, оба испытывали страсть к криминалистике. Но то, самое первое преступление, с которым мы столкнулись, превзошло все ожидания и даже привело обоих в лёгкий шок. Нет...вру, это был не лёгкий шок, а самый настоящий глубокий шок, в который суждено было впасть всем очевидцам этой картины. Это было убийство парня. Его тело обнаружили во дворе жилого дома возле лавочки под утро. Скорее всего, убийство произошло ночью.

– И как его убили? – спрашивает Вера, зачем-то переводя голос на шёпот.

– Думаю, что тебе не нужно этого знать. Могу лишь сказать, что это было страшное зрелище...

– Ну расскажи...ну пожалуйста...– причитает Вера, и её глазки принимают треугольную форму просителя. – Я уже не маленькая и вообще. Я в интернете уже всякого насмотрелась...

– Этому парню отрезали голову...– неожиданно резко говорит дед, минуя всякие прелюдии. В глазах ребёнка отражается ожидаемый ужас, в то самое время, как глаза рассказчика горят азартом. – Поначалу мы даже не могли определить орудие убийства. Там было всё залито кровью. Помните вчерашнюю лужу перед домом, ту которую ты долго обходила после ливня. Так вот, точно такая же лужа крови была там. Все, кто присутствовал на месте преступления, эксперты, следовательно, мы, опера – все увязли в этой луже по щиколотку.

Вера обнимает колени, прижимает их к себе. Весь её напуганный вид кричит – хватит, пощади!

– Мне продолжать? – Старик хитро прищуривается, делает паузу, чтобы прикурить новую папиросу. Он будто бы раскачивает рамку качели, на которой сидит внучка. Сначала мерное раскачивание ей нравится. Она просит качнуть сильнее, так, чтобы на подъёме спирало дыхание, а на спуске где-то внизу живота чувствовался приятный холодок. Но маятник просто так не остановишь. Сильные толчки придали ему такой инерции, что девочка уцепилась за поручни, боясь, что может попросту не удержаться.

Он решает продолжить рассказ, не обращая внимание на застывшее лицо внучки, в котором можно прочесть всё что угодно, кроме желания слушать дальше. Теперь он говорит будто сам с собой, откинувшись на спинку кресла и пуская дым в потолок. Он такой же неугомонный, как и внучка и теперь уже его самого не остановить. Он полностью погрузился в то мрачное время.

– Мы начали работать по этому делу.словно спущенные с поводка охотничьи псы, мы ринулись в погоню за волком. Но хищник оказался резвым и очень скоро пропал в чаще леса. Нам нужно было найти след, уловить запах, по которому можно найти зверя. Но следов почти не было. Это в детективах всё романтично и просто. На месте преступления всегда оказывается веская улика, тут же появляется нужный свидетель, который выдаёт сыщику информацию, а уж тот, пользуясь дедукцией и логикой, быстро разматывает клубок преступления. В жизни оказалось всё не так романтично. Никаких более-менее значимых улик на месте преступления обнаружено не было. Единственной уликой было орудие преступления, которое плавало в луже крови, рядом с обезглавленным телом. Это была струна. Обыкновенная струна от музыкального инструмента.

Свидетелей, которые видели преступление, или хотя бы что-то слышали, тоже не нашли. Нам абсолютно не за что было зацепиться. Единственные логические выводы, которые мы могли тогда сделать гласили, что преступник, возможно, жил в этом районе, что возможно он знал жертву, что возможно он был мужчиной и возможно убийство было преднамеренным. Все эти предположения можно было опровергнуть и в обратную сторону. Преступник запросто мог приехать из другого района, жертва могла быть случайной, а убийство

непреднамеренным, несмотря на хитрое орудие, которым оно было исполнено. Все наши догадки были словно тычки пальцем в небо. Это походит на то, как нерадивый ученик наугад указывает пальцем в один из предложенных учителем ответов, или когда доктор говорит жалующемуся на головную боль пациенту, что у того либо грипп, либо воспаление седалищного нерва.

Информации критически не хватало, и вся наша скатывающаяся в рутину работа, сводилась к бесконечным допросам свидетелей второго, и третьего плана. Это всё равно, что искать иголку в стоге сена.

И вот, когда мы уже было, совсем отчаялись, случилось второе убийство. Это нас здорово воодушевило. Было две причины радоваться. Во-первых теперь шанс наткнуться на какие-нибудь улики и совпадения удваивался, а во вторых мы понимали, что если второе подобное убийство совершено с таким маленьким интервалом, то нужно ждать третьего. Итак, мы ковырялись со вторым трупом, параллельно ожидая, когда появится третий.

– Это неправильно! – не унимается быстро отошедшая от шока внучка. В её огромных зрачках появилась некоторая враждебность. – Полицейский не должен радоваться новым смертям. Он не должен сидеть и ждать очередного убийства, как какого-то подарка.

– Понимаешь, внучка, делать что-то неправильно значит идти против правил, нарушать какой-то закон. Но нет такого закона, который запрещает полицейскому занимать выжидательную позицию, тем более, что скорость его работы никак не регламентирована. Закон нарушают убийцы и воры, а полицейские обязаны их ловить. В какой срок они должны это сделать, законом не установлено, более того, закон не карает их, даже если они не смогли поймать преступника. В этих случаях наказывают только больших начальников, нам же в любом случае ничего не грозило. Но это не значит, что мы не старались, не мечтали изловить убийцу. Не забывай, что каждым человеком, который считает себя профессионалом, руководит чувство собственной значимости.

Почему мы ждали очередного убийства? Понимаешь, первое серийное убийство (а мы уже не сомневались, что в городе завёлся серийный маньяк) это как кусочек пазла, часть какого-то рисунка. По маленькому кусочку очень сложно понять, какой это рисунок. Каждое новое убийство – дополнительный кусочек пазла. Картинка с каждым разом становится полнее и есть шанс собрать такую

её часть, по которой можно понять, о чём эта композиция.

Второе убийство и последовавшее за ним третье были совершены тем же способом, что и первое. Жертвам отрезали головы. Одного обнаружили на обочине перед въездом в город. Это был мотоциклист. Он лежал в обагрённой кровью траве, рядом с перевернутым мотоциклом. Отрезанная голова лежала прямо на дороге и мимо неё спокойно проносились машины. Одета в шлем, она походила на обыкновенный футбольный мяч. Рядом с местом происшествия мы нашли обрывок шёлковой нити, которая была привязана к стволу дерева. На первый взгляд казалось, что эта находка не имеет отношения к преступлению, но мне эта нитка очень не понравилась. У меня появилась кое-какая догадка и чтобы её проверить, я перешёл на другую сторону дороги и стал осматривать деревья, которые находились напротив того, к которому была привязана нить. И да...я обнаружил точно такой же обрывок нити, привязанный к стволу берёзы. Было очевидно, что нить была протянута через дорогу. Высота, на которой она была привязана, находилась как раз где-то на уровне головы мотоциклиста. Я тут же поспешил поделиться своим открытием с коллегами.

Это был прекрасный день. – Дед улыбается, мечтательно закатив глаза в потолок. – В этот день в первый раз меня посетила муза сыщика. В первый раз я смог самолично найти улику, и предположить, как она была использована. Но это было чуть позже. Сначала меня буквально подняли на смех, когда я сказал о нити.

«Ты что, думаешь, что шёлковой нитью можно отрезать человеку голову?». – Глумился надо мной начальник группы, он же следователь по фамилии Рымин. Это был неприятный человек, которому доставляло удовольствие подначивать своих молодых коллег. «Пока ты прогуливался – продолжал он смеяться, – мы обнаружили орудие убийства. Как ты думаешь, что это было?».

«Струна! – мгновенно ответил я, чувствуя, что меня постигает озарение. – Товарищ капитан, экспертом установлено, что нападение произошло, когда мотоциклист был на дороге, об этом говорят следы крови на асфальте. Мотоцикл был заведён и уже обезглавленный мотоциклист в последний раз надавил на газ и улетел в кювет, в то время, как его голова осталась лежать на дороге.».

«Ну и что?» – ответил Рымин, продолжая ухмыляться, выпятив свою противную нижнюю губу.

«Если даже предположить, что здесь орудует какой-то монстр, который может голыми руками с помощью одной струны, отрезать людям головы, то как он мог это проделать с движущимся мотоциклистом? Как вы знаете, товарищ капитан, мотоциклисты медленно не ездят, не для того они покупают мотоциклы. Так, каким же образом этот супер-человек мог накинуть удавку на мотоциклиста, который шёл на скорости?»

Теперь пришла моя пора ёрничать, так как капитану нечего было ответить. Зато ответ был у меня.

«Преступник использовал нить, чтобы остановить мотоциклиста, чтобы заставить его сбавить скорость. Вы знаете, что натянутая нить ночью в свете фар, кажется толще, чем канат? Преступник натянул нить и ждал в кустах неподалёку. Мотоциклист видит нить, резко тормозит, затем начинает приглядываться и подкатываться чуть ближе. Тут наш монстр нападает и привычным способом отрывает ему голову. Осталось только понять, как всё-таки он это делает. Невозможно, чтобы голыми руками...».

«Если такой умный, то и определи как...» – угрюмо ответил мне оплётанный Рымин.

Из всей группы, только он не признал моего триумфа. А это был поистине мой первый успех.

Ты знаешь, внучка, успех, это что-то неосоздаемое воздушное, непонятное. Для каждого он разный. Кто-то хочет иметь миллионы и только это он считает успехом, а кому-то достаточно сделанного открытия, признания коллег. Я отношусь ко второму типу, поэтому летал словно на крыльях. И вот что ещё. Если тебе удастся ухватить этот пресловутый успех, поймать его за хвост, постарайся его удержать как можно дольше. Используй чувство внутреннего полёта для новых открытий. Обычно успех не ходит в одиночку.

Так было и со мной. Я принял вызов Рымина и решил во чтобы то ни стало разобраться, каким способом преступник убивает жертв. Я был уверен, что у него есть какое-то приспособление, а струна это просто одна из его рабочих частей. Я начал копаться в отчётах экспертов. Как в первом, так и во втором убийстве была использована струна от рояля. Они достаточно длинные, порядка одного метра. Сперва меня озадачило то, что в первом и во втором случаях, как

длина, так и диаметр струн различались. Но я быстро себя успокоил, ответив сам себе, что это не удивительно, ведь в рояле используется большое количество струн. Тогда я не уцепился за эту деталь, не посчитал её важной, как оказалось зря. Зато я преуспел в других предположениях связанных всё с теми же струнами. Как в первом, так и во втором случаях металлическая оплётка, которой обвиты струны, отчасти была смята, сдавлена. Эти повреждённые участки имели одинаковую длину и располагались симметрично по обе стороны струны.

– Это как? – вмешивается Вера. Её пытливый мозг не может смириться с тем, когда чего-то не понимает. Она привыкла разбираться во всём до мелочей.

– Начерти в уме отрезок. – Дед разводит прямые ладони, будто ограничивая длину отрезка. – Начертила?

Девочка покорно кивает.

– Найди у этого отрезка центр. Теперь отмерь от центра равные расстояния в ту и другую сторону. – Дед сжимает пальцы, демонстрируя какой длины расстояние нужно отмерить. Мысленно отметить эти расстояния точками. Отметила? Теперь от этих точек отмерь точно такие же расстояния в ту и другую сторону. Готово? Теперь мысленно обведи жирным красным фломастером расстояние между точками. Обвела? Теперь смотри на то, что получилось. Весь этот отрезок – струна. Обведённые фломастером расстояния это её повреждённые участки. Поняла?

Вера кивает снова.

– Постарайся сохранить эту картинку в голове. Она тебе ещё понадобится в процессе рассказа.

– А почему нельзя было просто нарисовать?

– Учись рисовать в голове. Учись раскрашивать различные события и людей в цвета, представлять их в форме квадратиков ромбиков и прямоугольников. Учись протягивать стрелочки между связанными событиями и ставить жирные знаки вопросов рядом с тем, что ты не понимаешь, и восклицательные там, где тебя что то цепляет, удивляет, или возмущает...

– И зачем мне это?

– Это поможет тебе научиться мыслить логически. Все сложные жизненные ситуации это, как правило, формула, уравнение или ребус, которые нужно просто решить. И решение чаще всего лежит на поверхности. Нужно просто правильно составить схему, и рассмотреть то, чего в ней не хватает, либо, напротив, найти лишний знак.

Итак, вернёмся к нашей истории. Я позвонил эксперту и спросил, что он думает об этих повреждённых участках струн. Тот вяло отмахнулся, ответив, что возможно, струны были старые и стояли в рояле, а эти повреждения, просто механический износ. Это был плохой эксперт, никудышный специалист, ведь даже дилетанту понятно, чем физический износ отличается от повреждений. Это всё равно, что ты приходишь к сапожнику с оторванной подошвой, а он говорит, что она у тебя просто изнасилась, стёрлась от долгого ношения. Да...к сожалению в нашей жизни очень редко встречаются профессионалы, специалисты. Ведь экспертом тоже нужно родиться.

Конечно же, я не послушал невежу эксперта, ведь у меня уже родилась версия. Я просто мысленно сложил струну пополам. Вера, предлагаю сделать то же самое с твоим воображаемым отрезком. Сделала? Что ты заметила?

– То, что выделенные фломастером отрезки сходятся вместе, как два братика. – шепчет зажмурившаяся девочка.

– Точно, молодец! А как у тебя сложился отрезок? Ровно пополам?

– Ну да...

– А теперь представь, что это металлическая струна, и ты её медленно сгибаешь, соединяя выделенные красным хвосты. Представила?

– Да...

– Что получилось сверху?

– Маленький кружок...петелька!

– Точно! Моя внучка! – Обрадовано восклицает дед. – Вот и я так же мысленно сложил эту струну. Сверху получилась петля, а повреждённые концы сошлись вместе. Это натолкнуло меня на мысль, что струна эта заправлялась в какое-то устройство, являлась частью какого-то механизма.

На первом же совещании, я постарался донести свои соображения до группы, но снова столкнулся с непониманием. Иван недоверчиво пожимал плечами, а Рымин и вовсе отмахивался от моей гипотезы, как от мухи.

«Какой к чёрту механизм...– язвил он – ты говоришь размыто ни о чём...– укорял он, – если ты уверен, что это механизм, значит должен знать его конструкцию...– смеялся он. – Дай подробное описание этой конструкции и изложи его на бумаге» – настаивал он.

«Да... я уверен, что это механизм, потому что человек, даже самый здоровый жилистый и крепкий человек не сможет отрезать голову таким способом, если только не потратит на это час. Как мы понимаем, что делал он это в считанные минуты. – отвечал я. – На счёт описания этого устройства, то я не инженер, чтобы это делать. Это просто моё предположение! – кричал я распаляясь. – Вообще-то это работа технического эксперта, который должен воспроизвести этот механизм, опираясь на отмеченные мной повреждения струн. Но этот наш эксперт даже не принимает эти детали во внимание!».

«Раз не принимает, значит эти детали несущественные...! – парировал Рымин. – Вместо того, чтобы ловить преступника, мы занимаемся ерундой, отвлекаясь на бредовые версии...» – язвительно добавил он.

Этим и закончилось наше бесполезное совещание, но к моему счастью, этим же вечером произошло очередное убийство.

Прости, внучка, но я привык называть вещи своими именами. Для меня счастье заключалось не в том, что погиб ещё один человек, а в том, что мы сможем получить ещё больше улик, что возможно, я смогу подтвердить свою гипотезу. И да – удача была на моей стороне.

В этот раз убийца обронил свой адский инструмент неподалёку от места преступления. Возможно его, кто-то спугнул, или он не мог передвигаться по городу в руках с этой штуковиной. Как бы не дико это звучало, но это убийство было совершено в центре города, почти посреди бела дня, в месте огромного скопления людей.

В этот раз жертвой оказалась женщина – хозяйка одного из ночных клубов. Клуб располагался в пристройке жилого дома и считался одним из самых злачных заведений города. С восьми часов вечера оттуда начинали раздаваться раскаты музыки, да такие, что стёкла близстоящих домов начинали вибрировать. Веселье продолжалось до четырёх часов утра (тогда клуб закрывался), соответственно соседи, по несчастью жившие рядом, редко высыпались. Женщина была очень властная, имела кавказские корни, и была довольно известной дамой в городе. Она отличалась большим высокомерием, и наплевательством на чужие взгляды и мнения.

Это убийство явилось настоящим прорывом в первую очередь потому, что в этот раз жертва была известной одиозной личностью, смерти которой могли желать многие. Каждый день эта женщина, назовём её Тамарой, приезжала к открытию клуба и была там не более получаса. Обычно она распекала управляющего, официантов и прочий персонал за плохую работу (похвалы от неё никто не слышал), убеждалась, что всё в порядке, молодые отморозки собрались и готовы к празднику, колонки и огромные сабвуферы в порядке и выдают разрывающие перепонки звуки, а затем тут же уезжала. Обычно она ставила машину во внутреннем огороженном забором дворе, там, где стояли принадлежащие клубу мусорные баки.

В тот вечер управляющий заметил, что Тамара не появилась во время, что было само по себе необычно. Зато сотрудники, которые выходили курить в этот внутренний двор, увидели её машину. Что-то необычное привлекло одного из них. Затонированное стекло огромного джипа было чуть приоткрыто и на водительском сидении, как будто кто-то находился. Подойдя поближе и заглянув в приоткрытую створку, несчастный сотрудник замер как вкопанный. На сидении было тело Тамары – без головы.

Прибыв на место, мы занялись уже привычной работой. Эксперт стал обследовать тело, Ваня опрашивал управляющего и посетителей, а я обследовал периметр стоянки. Вся машина была изнутри залита кровью так, будто туда выплеснули два больших ведра красных чернил, но вокруг неё не было ни

пятнышка. Это означало, что убийство произошло внутри салона. Что было странным, кроме того, разумеется, что в центре города оторвали голову очередной жертве, так это то, что эксперт не обнаружил головы в салоне. Не видно было её и поблизости. Сначала мы было подумали, что преступник зачем то утащил голову с собой, но потом я заглянул в мусорный контейнер. Она лежала там, в открытой коробке из под вина.

Старик делает паузу, во время которой в звенящей тишине снова стучит мундштуком по жести портсигара, снова чиркает спичкой, и долго опаливает кончик папиросы, который шипит подобно испуганной змее, снова вглядывается в лицо внучки с хитрым прищуром. Даже если она взмолится, даже если убежит в другую комнату, он продолжит рассказывать. Ему нужно прожить эту историю до конца, прожить снова, точнее сказать по-новому. Но теперь в глазах внучки он видит не только испуг, в них появляется заинтересованность. Вновь появившийся румянец на щеках говорит о том, что девочку возбуждает эта история. Они вместе зашли уже слишком далеко, чтобы останавливаться.

– Она походила на куклу в упаковке, точнее на часть куклы. Белая как мел, но чертовски красивая со свежим макияжем, и чуть приоткрытыми украшенными тенями глазами с наклеенными ресницами. Казалось, что если взять эту голову и наклонить, глаза закроются, а если придать ей вертикальное положение, широко распахнутся.

Это была не единственная моя находка. Я продолжал отчаянно рыться в этой мусорке, будто кладоискатель, который точно знает, где спрятано сокровище. И я его нашёл. Оно лежало на самом дне. Небольшое устройство, механизм чем-то похожий на...– Дед делает секундную паузу, но очень быстро находит необходимую ассоциацию.

– Помнишь, внучка, я ремонтировал машину в гараже, а ты напросилась смотреть, и торчала там целый день...ещё мазутом вся перемазалась. Тогда я вытаскивал из машины тяжёлый двигатель. У меня было приспособление, которое называют лебёдкой. Это приспособление помогает поднимать очень тяжёлые вещи, применяя при этом минимальные усилия. Я просто давил на рычажок, а пропущенная через него и через балку верёвка тянула двигатель с такой силой, которой бы позавидовали десять медведей. Эта найденная мной штука, была немного меньше, но принцип действия был схожий. Я мгновенно

сообразил, как действует эта дьявольская конструкция. Убийца заправлял струну в механизм, её концы пропускались через зубчатые шестерни, а оставшаяся часть представляла из себя петлю, точно такую, как ты нарисовала у себя в голове. Убийца набрасывал петлю на шею жертвы, и потом ему нужно было лишь несколько раз надавить на маленький рычажок, который приводил в движение шестерни. Они же в свою очередь натягивали струну, петля в одну секунду уменьшилась в размере и отрезала голову так же легко, как ты отрезаешь пластик масла от целого куска.

При этих словах, плечи девочки вздрогнули, и она в сотый раз зажмурилась, будто пропускала страшный кадр фильма, который, по каким-то причинам вынуждена была смотреть.

– Это был мой очередной триумф. Озвученная мной утром и поднятая на смех, версия получила подтверждение уже через несколько часов. Нужно было только видеть лицо этого негодяя Рымина, на котором тихая ненависть пряталась под заискивающей улыбкой. Теперь в нашем распоряжении было уже несколько кусочков пазла, благодаря которым мы могли собрать какую-то часть картины. Мы имели три убийства совершённые одинаковым способом. Варварский метод ясно указывал на то, что действует один и тот же человек. Все остальные детали, как то, личности жертв, места преступления, пока не укладывались в одну стройную картину. Нужно было найти что-то общее между этими жертвами, увидеть формулу, по которой работает убийца, понять ту картину, который он хочет нам предложить.

– Дедушка, неужели все убийцы действуют по какой-то формуле? Я думала они просто злые, одержимые, глупые, как дикие звери, которые нападают на жертв, потому что им просто хочется есть.

– Убийцы бывают разные, но мы имели дело с серийным. Это особая категория. Да, по большому счёту это звери, хищники, которых просто возбуждает запах жертвы. Но они несколько отличаются от тех убийц, которые совершили преступление в состоянии ярости, или из чувства мести и тут же были схвачены. Эти могут скрываться и плодить своих жертв много лет. Обычно они изощрённые в своём деле и далеко не глупые люди. Помнишь, я говорил, что любым профессионалом, или творческим человеком движет чувство собственной значимости? Так вот, кроме того, что эти люди прирождённые звери, иногда они обладают творческими задатками. Вершить преступления для них это всё равно, что рисовать картину, сочинять музыку, или писать книгу. Кроме того, что они

удовлетворяют свои низменные первобытные инстинкты, эти люди ещё как бы играют с полицейскими в кошки-мышки. И в этой игре они мнят себя далеко, не испуганными мышами. Они чувствуют себя кошками, которые наперёд знают, куда побежит глупая мышь, радостно наблюдают за ней, готовые в любой момент придавить её когтистой лапой. Они используют свой почерк, оставляют на месте преступления следы, указывающие именно на них. Эти следы не обязательно материальные объекты. Чаще всего они задают криминалистам загадки. Бывает, убивают людей одного сословия, пола; бывает, убивают мужчин в синих шапочках, солнцезащитных очках, или женщин в тёмных чулках. Они словно задают немой вопрос сыщикам и всему испуганному городу. «Ответьте, почему я это делаю?»

Очень часто, они являются криминальными гениями, способными водить правосудие за нос много лет. В какой-то момент ими начинает двигать не звериная похоть, а чувство неуязвимости, превосходства над другими, чувство исключительности. Обычно это их и губит. Их ловят, как правило, поздно, когда они оставляют вокруг сотни километров выжженной земли, горы трупов; ловят тогда, когда, казалось бы, уже нельзя не поймать. Иногда опьяневшая от крови кошка сама выходит на стаю мышей.

И когда их ловят, они испытывают второй звёздный час. Они кичатся своими преступлениями, и тем, как ловко и искусно уходили от правосудия. Они дают интервью журналистам, про них снимают фильмы и пишут книги. Таким образом, даже в конце жизни, или на пороге тяжёлой каторги, они всё таки возносятся на пьедестал славы, на тот пьедестал, о котором мечтает большая половина человечества; на который попадают только избранные.

– Какой дурак может хотеть такой славы? – В очередной раз воспламеняется Вера.

– Милая внученька, наше время красноречиво показывает, что дурной славы не бывает. Есть просто «слава» без знаков минус и плюс, и этой славой мечтают обладать все.

Вернёмся же к нашему хищнику. Совершив очередное убийство, он подкинул нам ещё один кусочек пазла, и теперь уже от нас зависело, сможем ли мы

воспользоваться его подсказкой. Мы просиживали на работе сутками, ища хоть какую-то связь между преступлениями. Что касается, жертв, то между ними не было никаких точек соприкосновения, ни по полу, ни по возрасту, ни по социальному статусу, ни по роду занятий. В жизни они тоже не пересекались.

Первая жертва – молодой парень, без определённого места работы. Он хоть и вёл аморальный образ жизни и даже употреблял наркотики, но преступлений не совершал и по базам полиции не проходил. Да буянил да кричал, да громко слушал музыку, не давая соседям спать, да бил морды своим друзьям...но за это же не отрывают головы. Особых врагов у парня не было, он не состоял в преступных группировках и не занимался бизнесом, поэтому крупных неприятелей нажить просто не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mehanik_oleg/palachi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)